

Глава 1

Суббота

Спать хотелось невыносимо, но игнорировать разрывающийся мочевой пузырь я больше не могла. Вздохнув, с трудом, не открывая глаз, села. Только коснулась пола, как между ног заструилось тепло. Неужели все-таки описалась? Или воды отошли?

За окном было темно, город, укутанный смогом и холодом, спал. Наверное, еще и пяти утра нет... Я добрела до туалета. Сидушка унитаза ледяная. Выдавила из себя последние капли, бросила взгляд на кусочек туалетной бумаги и увидела темное пятно. В сером свете я не смогла понять, что это, подошла к зеркалу и щелкнула выключателем. Вернулась к унитазу и увидела целое созвездие капель на молочном ворсистом ковре. Я отрывисто задышала и вдруг поняла, что кровь льется по внутренней стороне бедер. Стянув промокшие насквозь трусы, кинула их на пол у ящика с грязным бельем и взяла чистые с сушилки, трясущимися пальцами прикрепила ночную прокладку. Страх липким, холодным потом покрыл спину, пальцы, шею.

Нельзя плакать. Я вошла в спальню, сжала челюсти, выдохнула, плач надулся плотным комком в горле. Будто я не беременная с кровью в промежности, а жаба, готовящаяся выбросить язык за мухой пожирнее. Позвала мужа:

— Рус, у меня кровь.

Он резко сел и посмотрел на меня.

— Что случилось?! Что делать?!

— Я позвоню врачам и, наверное, вызову скорую? Позвони маме, скажи, чтобы приехала.

Рус поднялся и взял телефон. Я зашла в гардероб, чтобы собрать вещи в роддом. Положив телефон на полку с кофтами, включила громкую связь. Несмотря на ранний час, Сауле Жанатовна ответила сразу, видимо была на дежурстве.

— Алло, извините, что так рано, у меня кровь идет, красная, много. Мне к вам ехать?

— Красная жидкая? Не коричневыми сгустками? — Врач будто ждала моего звонка.

— Красная, жидкая.

— Где-то болит? Тянет поясницу? Неделя какая?

— Не болит. Начало тридцать четвертой.

— Ребенка чувствуешь?

Я закрыла глаза, положила ладонь на живот и прислушалась.

— Не чувствую, — я зажмурилась, будто, закрыв глаза, смогу услышать дочку, — но ничего не услышала. Я мысленно позвала ее и стала слегка нажимать в разных местах, но ответа не было. Я выдохнула и попробовала

вдохнуть — не получается. Резко затошнило. — Я ее совсем не чувствую, живот какой-то твердый.

— Вызывай скорую, езжай ко мне на Басенова, я тебя приму, — ее фразы были короткими, голос четкий, без эмоций, но какой-то теплый.

— Хорошо.

Я подняла глаза и в зеркале встретила выжидающий взгляд Руса. На себя я не смотрела.

— Что сказали?

— Вызывай скорую, я соберу вещи.

Я наскоро выхватила сумку и стала закидывать все, что мне казалось нужным: носки, трусы, пижаму, халат, компрессионные чулки, пачку подгузников для новорожденных. Затем зашла в ванную и засунула в косметичку зубную щетку, пасту и увлажняющий крем. Между ног стало совсем мокро, и я спустила трусы: прокладка полная, хоть выжимай. Странно, я ведь каждый месяц вижу кровь и совсем ее не боюсь, так почему сейчас меня всю трясет... почему я плачу?

Сменив прокладку, краем глаза заметила капли на полу. Сегодня суббота, а Маша придет убираться только в понедельник... Наклонившись, стала оттирать кровь салфеткой. А то стыдно как-то, я-то уеду, а Рус останется, и что ему — оттирать это? Или брезгливо перешагивать? Я сразу представила длинного Руса, который, как кузнечик, прыгает через кровавые пятна.

— Ты что делаешь? Совсем, что ли?!

— Нужно оттереть кровь.

— Собирайся! — Рус уничтожающе посмотрел на меня. — Скорая уже едет.

Я поднялась, вернулась в гардероб и, стянув пижаму, наконец решила взглянуть на себя в зеркало. Мой огромный, как барабан, живот скукожился, опустился и стал твердым. Я тронула его кончиками пальцев — точно камень.

Умоляю, малышка, держись. Ну же, пошевелись хоть немножко, ты же так любишь пинать мой мочевой пузырь, я не буду злиться, только пошевелись. Но замерший живот, казалось, опустел.

Стараясь двигаться как можно аккуратнее, я спустилась на первый этаж и обернулась — моя старшая дочь Беатрис, ничего не подозревая, спит в своей комнате. А вдруг я не вернусь? Я даже не понюхала ее на прощание. С нижней ступеньки, лениво растянувшись, упала бордовая капля. Уже и вторая прокладка протекла.

— Скорая уже здесь, — голос Руса показался мне очень далеким.

Я нацепила пуховик, шапку и сунула ноги в заношенные кроссовки. Если мы выживем, точно куплю себе новые.

Спустившись на первый этаж, я вдруг замерла. Никогда не замечала эту огромную люстру в форме шара, давно она тут висит? В центре холла уже и елку нарядили, а я все думала, какой костюм купить Беатрис. Она хотела быть божьей коровкой, но пока я нашла только пчелу и муравья... а вдруг я уже ее не увижу? Мотнула головой, отгоняя назойливую мысль.

— Что у вас случилось? — Фельдшер, совсем молодой парень с чемоданчиком в руке, посмотрел на меня сонными глазами.

— У меня кровь, ее очень много, скорее всего отслойка плаценты.

— Отслойка, дейді...* — хмыкнул он. — Срок какой?

— Тридцать четыре недели.

— Обменканы беріңіз**.

— Обменка у врача на Басенова, она меня ждет, сказала ехать к ней.

— Вас как зовут?

— Саида.

— Саида, это скорая, а не такси, повезем куда полагается, садитесь.

Он помог мне подняться в скорую и сел рядом с водителем. Минут десять куда-то звонил, три раза переспросил мой ИИН и наконец сказал:

— В первый роддом поедем.

— А они смогут принять роды? Это ведь экстренное кесарево, и ребенок недоношенный, смогут его выходить? Может, все-таки на Басенова?

Фельдшер не ответил. Окна скорой были заклеены бумагой, я повертела головой и сквозь небольшую щель, где отклеился уголок, увидела проносящиеся мимо уличные фонари. Точно лягушонка в коробчонке. Где этот первый роддом? Я знала адреса всех частных роддомов Алматы,

* Отслойка, говорит. — Здесь и далее перевод с казахского, если не указано иное.

** Дайте обменку.

знала имена сильнейших врачей, но никогда еще не бывала в загадочной «женской консультации». Да что там, я даже в поликлинику не обращалась ни разу. В моей голове возник образ облезлых стен, злых теток в очереди, ледяных крючкова-тых пальцев, лезущих в промежность, будто сую-щих чеснок в брюшко бройлерного цыпленка. Я достала телефон и хотела было снять кадр для инстаграма*, но подумав, что он может быть последним и слишком драматичным, позвонила Сауле Жанатовне.

— Меня везут в первый роддом. Так решил фельдшер, говорит, не положено на Басенова.

— В первый роддом? — Она помолчала. — Ладно, сейчас что-нибудь придумаем. — Она выдохнула, вдохнула, я уже подумала, что она забыла нажать отбой, как вдруг она тихо, навер-ное одними губами, прошептала: — Удачи.

— Спасибо.

Я убрала телефон в карман пуховика. Несколько странно, что она пожелала мне удачи. Врачи полагаются на нее?

Машина круто повернула и остановилась.

Фельдшер выпустил меня и завел в непри-метную дверь под навесом. Я осталась сидеть в темном коридоре. Как-то слишком быстро мы приехали, хоть гляну на карте, где я нахожусь. Сейфуллина — Кирова... так это в двух шагах

* Деятельность Meta Platforms Inc. (в том числе по реализации соцсетей Facebook и Instagram) запрещена в Российской Федерации как экстремистская. — *Прим. ред.*

от нашего дома. Я столько раз проходила мимо и не знала, что тут находится главный городской роддом Алматы?

— Не болды?* — послышался сонный голос.

— Ложные схватки, — ответил фельдшер.

— Зачем привезли тогда? — В коридор вышла медсестра в униформе, поверх голубой рубахи она накинула толстую вязаную кофту.

Я поднялась и, нахмутив брови, подошла к ней.

— У меня не схватки, а кровь льется как из крана! Скорее всего, отслойка плаценты!

Медсестра вскинула бровь и, скривив рот, вздохнула.

— Обменную давайте.

— Она у врача на Басенова. Муж ее скоро привезет.

— Срок?

— Тридцать четвертая неделя, вторые роды, первые было ЭКС.

— Кровь какая? Мажет коричневым?

— Да нет же! Говорю, льется красная кровь!

— Ну и сколько «вылилось»? — передразнила медсестра.

Я проглотила вагон мата и проклятий и ответила:

— Я думаю, стакана полтора.

— Стаканы... — ухмыльнулась она, — одна прокладка? Ежедневка?

* Что случилось?

— Две ночные, — я переступила с ноги на ногу.

— Пройдите в приемный покой.

В углу комнаты стояли три медсестры, молча наблюдая за нами. В скудно освещенном помещении было холодно, вдоль стен сгрудились столы с выключенными компьютерами, стулья хаотично натканы во все свободные места — настоящий склад, а не приемный покой. У окна прижались друг к другу кушетка и гинекологическое кресло. По потолку расползлись желто-бурые пятна, в нескольких местах вздулась известка.

Именно поэтому я и не хожу в государственные женскую консультацию и поликлинику. Не из-за пожелтевшего потолка, бог с ним. Каждое слово, которое произнесла медсестра, почему-то больно кололо. Ну пусть не больно, но неприятно. То самое «неприятно», которое испытываешь, когда берут кровь из пальца, когда делают татуировку, когда тебе наступили на ногу в баре. Но этого самого «неприятно» до сих пор я могла избежать за разумную сумму денег. И сейчас была уверена в том, что ни в чем не виновата перед медсестрой. И в то же время понимала, что сейчас никакие деньги или имя не помогут мне. Помогут ли удача или Бог, тоже не знала.

— Ладно, идите на кресло, проведем осмотр.

— На кресло?! Вы меня слышите? У меня кровь идет!

— Ну осмотреть-то все равно надо, — пожала плечами медсестра.

Я скинула пуховик на пол и стянула джинсы до щиколоток, между ног холодела кровь. В горле встал комок. Я потеряю своего ребенка из-за этих идиотов, которые не хотят меня слышать... Я проглотила крик, медсестрички просто следуют протоколу, конечно, они должны меня осмотреть, а еще убедиться, что я не ВИЧ-инфицированная, что у меня нет других опасных болячек, но что, если за это время мой ребенок умрет? Я попыталась сесть в кресло, но медсестра на меня заорала:

— Куда садишься?! Я же салфетку не постелила!

Я спустилась на пол, утерла выступившие слезы. В голове крутилась история Дины. Она родила сына три года назад, но в первом триместре у нее началось кровотечение. Потом она рассказывала:

«У меня началось кровотечение примерно на десятой неделе. Поехала в женскую консультацию на скорой. Там в очереди сидели круглые беременные, а я вся в крови, даже на стул в очереди не села — стыдно пачкать. Хотя мы же вроде “среди своих”, но среди акушерок женщина никогда не своя. Меня принял мужчина, залез рукой мне во влагалище, как в пакет, в котором на дне среди продуктов искал зажигалку. Вытащил красный шмоток, ткнул мне в лицо, плюхнул в миску и сказал:

— Любуйтесь, мамаша, вот он, ребенок ваш. Вылез!

Я заплакала. На меня накричали, сказали собираться и не задерживать очередь. Я натянула холодные мокрые трусы и прошла в соседнюю комнату, чтобы узнать дату чистки.

Врач вскинулась:

— Куда прешь?! Сначала УЗИ!

Мне дали квиток и послали в другой кабинет. Рукава у куртки намокли — вытирала то сопли, то слезы, салфетки с собой не взяла, а там никто, конечно, не давал.

На УЗИ женщина долго водила по моему животу, потом во влагалище, а я молчала и плакала.

— Чё реवेशь?! Вот он, ребенок твой, жив-здоров! Сердце бьется.

Комнату заполнили звуки с подводной лодки, а потом тук-тук-тук-тук, очень частое тук-тук.

— Хорошее сердце, четкое, вы зачем пришли? Вот салфетка, вытирайтесь и идите!

Я вытерла живот салфеткой, а сопли собрала ладонью.

— Как — жив?

— Ну да, а ты что, не рада?! Аборт, небось, хотела? Через две недели приходи на скрининг и на учет вставай.

Я вышла и посмотрела на мужа. Он одернул мою рубашку, подтянул трусы и штаны. Обнял.

Когда мы дошли до машины, я наконец смогла разлепить губы и сказала:

— Он жив.

— Что? — спросил он, а я села на сиденье — его мне не было стыдно пачкать.

— Наш ребенок жив, — я смотрела на знак пешеходного перехода в пяти метрах от нашей машины. Простой и понятный. Я протянула мужу выписку с УЗИ.

Он несколько раз ее перечитал.

— Хочешь хинкали? Переоденешься? У меня в сумке есть спортивные штаны.

Я не хотела хинкали. Я хотела выносить и родить здорового ребенка, а потом прийти к этому мужику, который вытащил из меня тот шматок, сунуть ему своего живого ребенка в рожу и заставить смотреть».

Я поняла, что если сейчас из меня вытащат мертвое тело, то вряд ли будут тыкать им в лицо, его, скорее всего, завернут и уберут подальше.

— Что тут такое? — прозвучал уверенный голос.

— Ложные схватки, мазня.

— Да нет у меня схваток, тут кровь льется, — обессиленно вздохнула я.

Передо мной возник великан. Мужчина метра под два ростом с бритой головой в черной куртке.

— Сколько крови?

— Наверное, два полных стакана.

— Красная, да? Как тебя зовут, солнышко?

— Саида.

— Так, Саида, у тебя отслойка плаценты, сейчас мы будем делать экстренное кесарево сечение, — он тронул меня за плечо, и исполинская длань легла на меня, как покрывало. — Срок?

— Тридцать четыре недели. — Всем телом хотелось податься вперед, навстречу этой руке, она была теплой, уверенной.

— Угу... — он поджал губы и нахмурился. — ОАК, ОАМ, катетер мочевого, готовим операционную, — все это он выкрикнул сплошной автоматной очередью.

Медсестры захлопали глазами.

— Вы что, блядь, встали?! Быстро, я сказал! — Врач похлопал в ладоши-лопаты. — Почему на вас, куриц, все время нужно орать?!

— Обменкасы жоқ*, — виновато возразила медсестра.

— Ебтвоюмать, блядь... — Врач медленно провел по лысине. — Мы и плод потеряем, и ее не спасем! — Он махнул на меня. — Я что потом в отчете напишу?! Обменки не было?! Кто из вас, дур, вообще ее принял?! Недоношенный плод! Сильнейшая кровопотеря, почему она не на Басенова?! Какой дятел ее привез?! Когда мы их потеряем, я каждую из вас в отчет внесу! Фамилию фельдшера мне на стол потом!

«Если, а не когда», — подумала я, держась за поручень гинекологического кресла. Одна из медсестер подлетела ко мне и уложила на кушетку-каталку.

— Раздевайтесь! Чулки компрессионные у вас есть?

* Обменки нет.

— Да, в сумке, она осталась в коридоре, — сев на кушетке, я сняла майку, лифчик и трусы.

Подумала, может, нужно было оставить трусы и лифчик? Сжалась на кушетке в ожидании шутки об излишнем раздевании, но шутки не последовало.

Медсестра вернулась тут же и, натянув на меня тугие белые чулки, встряхнула застиранную сорочку, надела и завязала на спине. Сильная рука схватила мое предплечье и вывернула.

— Туф! Вены плохие.

— Вот тут есть одна хорошая, — я указала другой рукой на сгиб, где на светлой коже темнело пятно.

Ноги мне резко раздвинули.

— Расслабьтесь, я сейчас поставлю катетер.

— Ой, а можно я сама пописаю, я умею ОАМ сдавать... — Я резко свела ноги, слегка прищемив руки медсестры. — А катетер поставим, когда анестезия подействует, пожалуйста!

— Жок, катетер для операции, тезірек болшы!*

Спустя два года после первых родов катетер оставался самым кошмарным воспоминанием, три дня после него кровью писала.

Медсестра снова раздвинула мои ноги. Боль была такой, что по щекам потекли слезы, не успела я вздохнуть, как в руку вошла игла. В вену попали только с четвертой попытки, предварительно хорошенько поковырявшись.

* Нет, катетер для операции, давай быстрее!

Я откинулась назад. Голову подхватила сильная рука медбрата, до самой носоглотки мне сунули палочку для ПЦР-теста.

Я прикрыла глаза и тихо вздохнула. Держись, малышка, сейчас мы тебя вытащим... Даже если мне больно, с тобой все будет в порядке, обещаю. А боль — это всего лишь боль. Я выдержу в сто раз больше, только чтобы ты была жива и здорова. Не бывает ведь безболезненных родов.

В промежность будто одновременно лили спирт и тыкали иглками.

— Меня зовут Роман Петрович. Саида, рыбка моя, сейчас послушай, — великан положил мягкую ладонь на каменный живот. — Не думай о плоде, нам бы сейчас тебя спасти, и то хорошо будет, — сказал он и скрылся в коридоре.

Я проглотила крик и кивнула. Глаза опять наполнились слезами. Не думать о плоде... Это малышка, а не «плод». Хоть имя мы так и не придумали. Рус предлагал назвать ее Урсулой, а я хотела Фрейей. В честь скандинавской богини красоты, любви, плодородия и всего самого лучшего в мире. Но на самом деле я знаю, конечно, что никакая она не Фрейя, а Урсула — медведица. Мой медвежонок.

Готовая к следующим всполохам боли, я сжала челюсть, но каталку под гул удаляющихся голосов вытолкнули в темный коридор. С грохотом разъехались двери лифта. Когда мы наполовину заехали в него, ко мне подскочила еще одна медсестра и напоследок ткнула бабочкой в вену, чтобы добрать крови на очередной анализ.

— Проверьте биохимию! Пожалуйста! У меня плохие показатели АЛТ и АСТ! — крикнула я ей вслед.

Она не обернулась, двери лифта сомкнулись. Мы поднялись выше и заехали в родильное отделение. Из ближней двери раздался сдавленный стон. Где-то далеко закричал новорожденный.

Я сжалась и даже разрешила себе тихо порадоваться, что мне не больно, не так, как им.

Медбрат нахмурил брови.

— Эй, шеш андағыны!*

Я приподнялась и посмотрела на него. Что еще снимать, и так же в чем мать родила.

— Носки!

Я стянула носки, надетые на компрессионные чулки, и передала ему теплый влажный комок. Мне было стыдно, что мои ноги вспотели и он держит сейчас в руках эти потные носки. «Они чистые, я их только надела», — хотела было сказать я. Это похоже на то чувство стыда, которое вспыхивает, когда официант забирает со стола влажную салфетку, в которую ты высморкался. Поэтому я стараюсь прятать её в сумку или сую в карман.

— Телефон отдай.

Написав Русу: «Меня везут на операцию», — отдала и телефон.

Нужно было написать, что я его люблю и что он точно справится с Беатрис и Урсолой. Даже

* Эй, сними это!

если и без меня. Но вместо этого я просто оставила его с ужасным концом дешевого детективного сериала с Первого канала, где в конце серии убийца замахивается ножом, мы слышим крик и не знаем, убил он кого-то или нет. Я закрыла глаза, разочарованная в себе как в жене. Как мать я уже и так налажала хуже не придумаешь.

Было около семи утра.

В просторной операционной горел яркий свет. Кафель на полу и стенах одинаковый — белый и хлорированный. У окна стояла акушерка и разговаривала с щуплым мужчиной в очках и смешной шапочке.

— Саида, меня зовут Ляззат, я буду помогать Роману Петровичу, — представилась медсестра. — Что у нас произошло?

— Отслойка, тридцать четвертая неделя, роды вторые, беременность вторая, в первый раз было ЭКС.

— На каком сроке ЭКС? И почему ЭКС? Раздевайся, пожалуйста, — она подошла ко мне и забрала сорочку.

— Сказали, что узкий таз. На сорок второй неделе. Родовой деятельности не было, пила мизопростол, начались схватки; полное раскрытие, после двух часов потуг врач сделала... ну...

— Вагинальный осмотр?

— Да, и сказала, что плод неправильно вошел в родовые пути. Меня прооперировали и достали дочку.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru